

Наталья Павловна ФРЕЙБЕРГ

ШОМЕТТ,

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ, В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Французский ежегодник, 1961.

М., 1962. С.95-108

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

«Из всех вождей, выдвинутых парижской демократией в течение двух самых бурных лет революции, между свержением королевской власти 10 августа 1792 г. и падением Робеспьера 9 термидора II г., никто не играл более значительной роли, чем Пьер-Гаспар, или так называемый Анаксагор Шометт, знаменитый прокурор Коммуны», — так пишет Брэш, современный нам французский историк, отнюдь не доброжелательно относящийся к Шометту.

«Почему вы не следуете примеру Шометта» — спрашивает министра внутренних дел Гара полицейский агент Дютар в мае 1793 г.

«Если бы у г-на Шометта было больше того, что у вас имеется в излишестве (Гара, как известно, отличался крайним благоразумием и осторожностью, чтобы не сказать трусостью — *Н.Ф.*), или если бы у вас было больше тех качеств, которыми в избытке обладает Шометт, то вы совершили бы великолепную революцию. Когда я предлагаю вам различные проекты и планы, то я, в сущности говоря, только списываю планы этой клики, придавая им обратный смысл и значение...»

«Робеспьер, Марат, Люлье и Шометт — вот четыре человека, которые должны быть для вас священны», — говорит Дютар министру, предостерегая его от мысли об аресте этих деятелей.

Сын простого сапожника из Невера, уже в тринадцать лет зарабатывавший себе сам средства к существованию, Шометт с ранней юности был предоставлен самому себе и своей блестящей, хотя и приведшей его на гильотину карьерой был обязан исключительно своим собственным силам. Он был одним из тех крайне немногих деятелей Великой эволюции, которые вышли из народа, умели говорить его языком, думать его мыслями и живо ощущали его кровные интересы. Всю свою работу Шометт строил на непосредственной близости к парижскому населению, «*Il était peuple dans le peuple*», — говорит о нем Мишле. Действительно, Шометт мог с полным правом сказать о себе осенью 1793 г., обращаясь к голодной парижской толпе, наводнившей ратушу: «Я тоже был бедным, и я знаю, что такое бедность». «Мне не приходится краснеть из-за роскошной обстановки или одежды, — пишет Шометт своими согражданам. — Дверь моя открыта каждому санюлоту, который захочет в этом удостовериться, и когда я из должностного лица стану вновь простым гражданином, то мне снова придется вести борьбу за существование».

Действительно, Шометт по своему собственному опыту знал, что значит нужда и голод, и в противовес большинству своих современников, видевших центр тяжести в политических вопросах, обращал серьезное внимание на вопросы социальные, постоянно подчеркивал их важность и значение, с неизменным сочувствием и вниманием относясь к экономическим, в частности к продовольственным нуждам неимущих слоев населения.

Революционер-практик, мало склонный к теоретизированию, Шометт не оставил после себя ни серьезных философских трудов подобно Кондорсе, ни выпретенных, заранее обдуманых и составленных речей по примеру Робеспьера и Сен-Жюста. Трудно даже сказать, было ли у него сколько-нибудь стройное, прочно обоснованное и продуманное мировоззрение: так часто действовал он просто под влиянием непосредственного ощущения революционной необходимости, толкавшей его на тот или другой путь. Но инстинкт его, инстинкт революционера, вышедшего из толщ самого народа и сохранявшего с ним тесную связь, редко его обманывал. «Шометт, — говорит про него тот же полицейский агент Дютар, — это действительно революционер, человек из народа, который изучает народ и только народ».

Действительно, все выступления Шометта дышат глубоким демократизмом и простотой, пожалуй, несколько склонной к сентиментальности, так свойственной духу этой эпохи, великим учителем которой был Жан-Жак Руссо. Все они всегда тесно связаны с неотложными и реальными вопросами текущего момента, во всех них чувствуется дыхание тогдашней революционной действительности.

Начиная с бегства короля в Варенн (21 июня 1791 г.), когда Шометт был еще начинающим и никому не известным журналистом, и кончая жерминалем II г., когда он был гильотинирован вместе с отрекшимся от своего сана парижским епископом Гобелем, роялистским генералом Артуром Диллоном, Люсилью Демулен и вдовой Эбера, — за весь этот период нет ни одного сколько-нибудь значительного революционного события, в котором Шометт не принял бы деятельного участия. Клятва «тираноубийц», петиция на Марсовом поле, где подпись Шометта, скромного «*etudiant en medecine*», стоит на одном из первых мест, тогда как подписи Бриссо, Дантона, Камилла Демулена, Робеспьера и других видных революционеров того периода блещут своим отсутствием; день 20 июня 1792 г. — своего рода репетиция перед восстанием 10 августа; наконец, революция 10 августа, выдвинувшая Шометта на пост одного из вождей Парижской коммуны, занимаемый им до самой смерти, — вот краткий перечень тех революционных событий в эпоху до созыва Конвента, в которых Шометт играл менее или более значительную роль.

Восстание 10 августа открыло ему широкое поле для применения его революционной энергии. В качестве сперва генерального прокурора, а позднее - национального агента Парижской коммуны он фактически стал ее вождем и руководителем. Борьба с жирондистами в секциях зимой 1793 г., набор в Вандею, принудительный заем у богатых, агитация в пользу закона о максимуме, «муниципализация» парижских булочных и выпечка «хлеба равенства», организация «революционной армии», издание закона о подозрительных, борьба; сперва с неприсяжными священниками, позднее с католицизмом, провозглашение культа Разума с шумными национальными празднествами, широкое развитие муниципальной деятельности, направленной на облегчение неимущих слоев парижского населения — эти мероприятия, или выдвинутые самим Шометтом, или же проведенные при его непосредственном участии.

Все это казалось бы обеспечивает Шометту видное место не только в самой революции, но и в литературе, посвященной ее изучению. На деле, однако, случилось не так. В то время как целые томы посвящены не только Робеспьеру, Сен-Жюсту, Дантону, Верньо, Бриссо и Кондорсе, но и другим, менее видным деятелям того времени, как Жанбон Сент-Андре, Робер Лендэ, Лаканаль, Фуше, Приер де-ла-Марн и др., — во французской литературе нет, в сущности, ни одной серьезной монографии, которая бы полно и всесторонне осветила жизнь, деятельность и взгляды Шометта в различные периоды революции.

Олар, издавший «Воспоминания Шометта о революции 10 августа», ограничился лишь небольшой вводной статьей преимущественно биографического характера, а Брэш, опубликовавший шометтовские записки из дневника и некоторые другие его работы, в своем введении, где он пытается набросать облик Шометта и охарактеризовать его общие взгляды, оказался настолько пристрастным и враждебным к «знаменитому прокурору Парижской коммуны, что вызвал возражения и критику даже тех историков, которые, по их собственному признанию, никогда не интересовались ни личностью, ни деятельностью Шометта. Кроме того, в том отделе работы Брэша, который посвящен деятельности Шометта в 1793—1794 гг., прокурор Коммуны представлен лишь как проповедник морали (притом лицемерный и неискренний) и апостол культа Разума, трусливо отрекшийся от него при первом же вмешательстве Дантона и Робеспьера. Анализ социально-экономических взглядов Шометта и обзор его работы в Коммуне в других областях, помимо области религиозной, совершенно отсутствуют.

Шометтовский, по-видимому, очень любопытный «Мемуар о продовольствии», Брэш с характерным для оларовской школы невниманием к экономическим вопросам просто не публикует, как в общем «мало интересный», хотя сам же он непосредственно перед этим говорит о «коллективистических» тенденциях этого мемуара. По-видимому ни сам Шометт, ни Парижская коммуна 1793—1794 гг. не показались французским историкам предметами, в первую очередь достойными серьезного исследования.

В журнальной же литературе («*Revolution francaise*», «*Annales revolutionnaires*», «*Annales historiques de la Revolution francaise*», «*Revue historique*») можно найти ряд статей различных авторов (Брэш, Тютэ, Олар, Матьез), посвященных полемике о том, были ли у Шометта в молодости противоестественные наклонности, но нет ни одной статьи об его социально-экономических воззрениях. Что же касается общих работ по истории французской революции (включая и последние книги Матьеза), то в них Шометту обычно отводится очень мало места. Даже Кунов в своей «Борьбе классов и партий» посвящает характеристике взглядов Шометта и его сторонников всего несколько строк и совсем не останавливается на вопросе о том, как менялись отношения этой группы к «робеспьеристам» и к «бешеным» в разные периоды революции.

Несколько лучше обстоит дело с разбором религиозных взглядов Шометта. Благодаря специальным исследованиям Олара, Матьеза и отдельным статьям Гильома и др., дехристианизаторская политика Парижской коммуны и в частности деятельность Шометта в этой области в 1793—1794 гг. оказались достаточно освещенными. Но и здесь не обошлось без дискуссии. Гильому и Матьезу пришлось очень энергично защищать Шометта от нападок Брэша в «отступничестве». Версия о «*palinodie de Chaumette*» 5 — 9 фримера II г. одно время была чуть ли не общепринятой.

В русской же литературе, вообще небогатой монографиями, относящимися к эпохе 1793—1794 г., специально о Шометте имеются по-видимому лишь три странички предисловия Хераскова, помещенные им перед переводом мемуаров Шометта о революции 10 августа,¹ да краткие характеристики Шометта и шометтистов в работах Н.М.Лукина о Робеспьере и С.М.Моносова об Якобинском клубе.²

Такое положение дел по отношению к одному из вождей Парижской коммуны, влиятельная, а порой и решающая роль которой в революционных событиях того времени выступает все с большей и большей отчетливостью, думается, является совершенно недопустимым.

Вопрос о взаимоотношениях и классовой природе группировок, опиравшихся на Парижскую коммуну, облик ее вождей, руководителей и основных работников вызывают к себе особенный интерес. И в частности фигура Шометта, несмотря на ряд имевшихся у него личных, а порой и общественных недостатков, кажется нам особенно заслуживающей памяти и внимания.

К рассмотрению жизни, общественной деятельности и воззрений этого вождя парижского «простонародья», выдвинутого на руководящий пост в эпоху наиболее острой революционной борьбы, мы и переходим.³

*** © Vive Liberta

Пьер-Гаспар Шометт родился в 1763 г. в Невере, в семье простого сапожника. До 13 лет он учился в духовном училище, откуда был исключен в 1776 г. «Именно преследование священников и монахов, под наблюдение которых я учился (и которые— увы! — до сих пор являются воспитателями молодежи), принудили меня к той участи, которая надолго оторвала меня от отцовского очага», - пишет Шометт весной 1793 г. об этом периоде своей юности.⁴ И как знать, может быть именно тяжелые воспоминания об этом училище, где порка была одним из широко применявшихся педагогических приемов, заставили Шометта впоследствии обратить серьезное внимание на дело воспитания и в частности еще в 1793 г. провести постановление об отмене телесного наказания в школах Парижа.

По выходе из колледжа тринадцатилетним мальчиком Шометт начинает вести самостоятельную жизнь. И даже при беглом ее обзоре нас поражает крайнее разнообразие его интересов и избыток проявляющейся у него энергии. Жизнь кипит в нем ключом, заставляя порой метаться в разные стороны и, не докончив одного, браться за другое. Какую работу он только ни начинал, за какую профессию он только ни брался, в какой области знания он ни пробовал своих сил! Сперва простой юнга и матрос-рулевой на судне, плававшем по Луаре, затем участник в борьбе американских колоний за независимость, сражавшийся под начальством знаменитого французского адмирала Ламотт Пике,⁵ в 19 лет слушатель лекций по анатомии в военном госпитале в Невере, в 1783—1784 гг. двадцатилетний Шометт уже выполняет обязанности лекаря в Мулене и вместе с тем состоит членом тамошнего ученого литературного общества «Logophantee», для которого пишет целый двухтомный трактат о поэзии («Traite de la poesie en general»). И в последующие годы Шометт не бросает литературных попыток: «Трактат о риторике», отрывок из трагедии «Рим во время осады Порсенны», политическая комедия «Волонтеры Жантильи или праздник мира» — вот произведения Шометта, так и оставшиеся в рукописном виде.

Наряду с этим Шометт проявляет интерес и к естествознанию: он изучает физику, ботанику и «вечно занят растениями и книгами». Шометт не остается чуждым и тому «духу античности», который широкой волной захватил французское общество конца XVIII в. «В 1785 г. (т.е. 22 лет отроду — Н.Ф.), — пишет сам Шометт, — я поехал в Марсель с намерением отправиться в Египет, вечно движимый своим стремлением изучить природу и памятники античного мира. Мне не удалось отплыть, и я вернулся в свой родной город!.. <...> Я провел там все время перед революцией, уезжая только для различных поездок из Мулена в Париж, из Парижа на берег моря, мечтая о счастье, стремясь к свободе, призывая ее в различных статьях изданий, печатавшихся тогда в Авиньоне».

Жизнь Шометта в Невере прервалась однако в 1786 г., когда он в качестве секретаря и ученика сопровождает английского врача Тлэка (Tluck) в его поездках по Франции.

Начавшийся революционный подъем немедленно отразился на Шометте. «Два года, предшествовавшие революции, всецело приковали мое внимание, - пишет он вое в том же адресе к согражданам. - Мой край знает, что я деятельно участвовал в них. Я срывал маску со священников; я боролся с дворянами».

По-видимому? именно в этот предреволюционный период Шометт начинает интересоваться и экономическими вопросами. В его бумагах сохранилась целая тетрадь в 82 страницы, посвященная обзору финансов старой Фракции («Etat actuel des affaires generales concernant les finances du royaume de France, qui constate les revenus et depenses du Roi, avec des remarques particulieres et interessantes»).

Но этим, однако, не исчерпывается все разнообразие интересов и склонностей Шометта. Имеются указания на то, что Шометт в бытность свою в Невере и Мулене интересовался и религиозно-философскими вопросами. Матьез в своей статье «Chaumette — franc-maçon» утверждает, что именно Шометту принадлежит найденная в его бумагах рукопись «Ключ книги заблуждений и истины», хотя она написана и не его почерком, и что Шометт был членом, а одно время и старшиной масонской ложи.

Сохранившаяся в бумагах Шометта речь, произнесенная им при передаче обязанностей старшины другому члену ложи, особенно любопытна нам как произведение будущего дехристианизатора и апостола культа Разума. Вся она носит туманный спиритуалистический и деистский характер, присущий масонским ложам XVI11 в.; однако слово «Dieu» в ней встречается всего один раз: всюду оно заменяется словами Nature, реже Createur и Providence. И уже в этой речи Шометт, обращаясь к братьям-каменщикам, подчеркивает важность социальных вопросов («la branche sociale») и необходимость развития общественной благотворительности.

Вот краткий очерк деятельности Шометта в дореволюционный период. Если вспомнить, что Шометту было в это время не более 25—26 лет и что он, начиная с тринадцатилетнего возраста, был вынужден сам зарабатывать себе кусок хлеба, то такое богатство и пестрота его интересов должны пас особенно поразить. Матрос — участник американской войны, студент, врач, естествоиспытатель, франк-масон, журналист, интересующийся экономикой страны, «любитель изящной словесности, пылкий путешественник, жаждущий ознакомиться с памятниками античного мира, — вот тот многогранный облик, в котором выступает перед нами фигура Шометта в дореволюционное время. Если прибавить к этому беглое указание на то, что Шометт в 1789 г. был как будто одно время письмоводителем у какого-то парижского прокурора, то думается, впечатление от этой неутомимой, непоседливой, вечно деятельной натуры получится достаточно яркое.

И, несомненно, то разностороннее, хотя и крайне несистематическое дилетантское образование, которое приобрел Шометт в своей юности, оказало ему громадную помощь не только в бытность его прокурором Парижской коммуны, но и в начале его политической карьеры, когда он вскоре после своего приезда в Париж (1790 г.) был приглашен сотрудником в такую распространенную газету, какой были «Парижские революции» Прюдома вскоре после смерти Лустало.

Приехав в Париж осенью или летом 1790 г., Шометт сразу бросается в кипевший там водоворот общественной жизни и быстро (определяет свое место в рядах борцов за свободу. Он становится членом клуба кордельеров и начинает работать в секции французского театра, бывшей раньше дистриктом кордельеров... «В 1790 г., вскоре после смерти Лустало, меня принял к себе и дал работу Прюдом, — пишет Шометт. — С тех пор я не переставал посещать народные общества и свою секцию; и с гордостью могу сказать, что был там полезен».

Это начало общественной деятельности Шометта в Париже, отчасти, быть может, случайное (он поселился на улице Мазарини в секции Единства, примыкавшей к секции Французского театра), отчасти, несомненно, сознательное, является, с одной стороны, чрезвычайно характерным для настроения Шометта в ранний период революции, с другой — оно не могло не оказать влияния и на его последующую работу.

Дистрикт кордельеров, ставший в 1790 г. секцией Французского театра и последовательно переименованный в ходе революции сперва в секцию Марсельцев,⁶ потом в секцию Марата, стоял в первых рядах революционного движения в Париже. Это была одна из центральных, густо населенных секций, где наряду с людьми либеральных профессий — артистами, врачами, адвокатами — ютилось много нищеты и рабочих, в частности каменщиков и печатников. После Сент-Антуанского и Сент-Марсельского предместий район, примыкающий к церкви Saint Andre des Arts, был одним из самых бедных районов Парижа;⁷ вместе с тем по числу «активных» (т.е. более состоятельных) граждан секция Французского театра занимала одно из первых мест среди других парижских секций. Таким образом социальные противоречия давали себя чувствовать здесь особенно остро, и политическая жизнь секции была ключом. Недаром Марат в своей газете с одной стороны, восхваляет патриотизм и революционное усердие секции, а с другой — печатает длинный список «граждан секции Французского театра, насквозь зараженных аристократизмом и являющихся приверженцами старого строя», объединившихся с целью провести своих сторонников во время предстоящих выборов в Законодательное собрание.

Оживлению политической борьбы немало способствовало и наличие в секции многочисленной революционно настроенной буржуазной интеллигенции. Председателем секции нередко избирался Дантон, секретарями — Моморо и позднее Шометт, а в состав членов входили Лежандр, Камилл Демулен, Руссильон, Фурнье-Американец, Венсан, Рютледж, Бонвиль и др. Кстати, любопытно отметить, что секция Французского театра была одной из немногих секций Парижа, имевшей простое трехцветное знамя без всяких эмблем и девизов (символ

совершившейся народной революции), и что заседания секции происходили в помещении Кордельерского клуба. Трибуна этой секции и была, по-видимому, первой политической трибуной Парижа, где Шометт, по его собственным словам, стал произносить речи «против Лафайета, Мирабо, Барнава» и других правых деятелей Национального собрания.

Другой, не менее важной, была для него трибуна Кордельерского клуба, членом которого Шометт был принят уже в сентябре 1790 г., вскоре после приезда в Париж.

«Общество друзей прав человека и гражданина», возникшее в половине 1790 г. и принявшее название клуба кордельеров, по своему характеру, целям и задачам как нельзя более подходило к общему складу Шометта. В противоположность клубу якобинцев — Обществу друзей конституции, занимавшемуся обсуждением различных законов и правительственных мероприятий, носившим в этот период по большей части рассудочный и теоретический, подчеркнuto лояльный характер,⁸ — деятельность клуба кордельеров имела по преимуществу практически революционное направление.

Девизом кордельеров, который они помещали на всех бумагах клуба, было «наблюдательное око» (*l'oeil de la surveillance*), а своей главной целью они ставили «изобличать перед судом общественного мнения злоупотребления отдельных властей и всякий вид посягательства на права человека», — так гласит манифест клуба от 27 апреля 1790 г. Этот уклон заранее придавал работе клуба революционный характер. «Общество друзей прав человека и гражданина» выступает то против запрещения носить оружие, изданного парижским муниципалитетом 17111 1791 г., то против декрета 10 мая об ограничении права петиций, то против деления граждан на активных и пассивных, вместе с декретом о марке серебра. Еще 17 апреля 1791 г., т.е. задолго до бегства в Варенн, кордельеры расклеивают по улицам Парижа крайне резкое постановление по поводу причащения Людовика XVI у неприсяжного священника, изобличающее весь парижский муниципалитет и «первого уполномоченного государства» в нарушении законов и подготовке таким образом «всех ужасов гражданской войны».

24 апреля они резко протестуют против; требуемой муниципалитетом «присяги слепого повиновения г-ну Лафайету» и призывают вспомнить Декларацию прав человека и гражданина, гласящую, что «никто не может быть принуждаем совершить что-либо, не предписанное законом». А 30 мая 1791 г. клуб уже заявляет, что очень важно «не находиться долгое время под управлением законов, не согласующихся с Декларацией прав». «Вследствие этого, — гласит постановление клуба, — клуб кордельеров считает нужным образовать комиссию из шести членов, которым будут розданы декреты Национального собрания... с тем, чтобы они их рассмотрели... и представили обществу те из них, которые противоречат Декларации прав или посягают на нее». Это постановление было тогда же разослано по секциям, и патриотическим обществам вместе с приглашением, присоединиться к нему.⁹

Если вспомнить, что эта критика деятельности Учредительного собрания относится еще к периоду до бегства Людовика XVI в Варенн, когда демократическая пресса, в частности эберовский «*Pere Duchesne*», полна хвалебных отзывов о «*notre bon roi*» и восторженного пыла первого периода революции, то нам сразу станет ясна та крайняя позиция, которую занял клуб кордельеров с момента своего возникновения. Вместе с тем уже с самого начала своей деятельности кордельеры стремятся распространить свое влияние за пределами клуба и завязывают сношения с различного рода *Societes fraternelles*.

Знаменитые *Cercle social*, *Societe fraternelle des deux sexes* — вот постоянные корреспонденты кордельеров.

Уже в мае 1791 г. (!) в помещении клуба организуется Центральный комитет Братских обществ под председательством кордельера Робера, будущего редактора знаменитой петиции на Марсовом поле и пионера республиканского движения. Понятно, что эта революционная деятельность клуба не могла не обратить на себя внимания парижского муниципалитета, старательно поддерживавшего «порядок и закон» среди столичного населения.

Уже в апреле 1791 г. в связи с расклейкой упомянутых постановлений клуба арестуются секретарь клуба, будущий видный эберист Vincent и несколько парижских граждан, протестовавших против незаконных действий полиции, срывавшей со стен афиши кордельеров. Тогда же муниципалитет поручает прокурору 6-го округа возбудить преследование против этого общества, «которое называет себя патриотическим, а в то же время публично обличает короля, особа которого объявлена священной и неприкосновенной». «Вы видели, господа, — грозно заявляет помощник прокурора, — как эти извращенные люди, верные, своей ужасной системе, проповедуют бунт против законов, против установленных властей, как они оскорбляют всех самых полезных и известных граждан, которые только имеются у нашей родины, как они призывают на них кинжалы убийц и как в то же время они осыпают своими позорными похвалами всех врагов порядка и законности, всех, совершивших какое-либо правонарушение или преступление...»

Не довольствуясь возбуждением судебного преследования, муниципалитет отбирает у клуба его помещение и именно в связи с его деятельностью обращается к Конституанте с просьбой ограничить «бунтовщическую деятельность народных обществ, запретив подачу петиций от имени какого-либо коллектива».

«Клуб кордельеров вызывает ненависть к себе со стороны департамента и муниципалитета, продавших себя двору и Лафайету. Как взяться за дело, чтоб его уничтожить, — иронически спрашивает Фрерон в своей газете, осыпая насмешками парижский муниципалитет. — Арестовать нескольких его членов, осыпать оскорблениями и бросить в тюрьму. - Это уже было сделано. Приказать государственному прокурору возбудить преследование... против лиц, подписавших знаменитое постановление по поводу причащения короля. - Это тоже не преминули сделать. Просить Учредительное собрание издать декрет, приказывающий каждому гражданину лично подписывать петицию и запрещающий патриотическим обществам и административным властям коллективные постановления и петиции. — Этого добивалась и этого достигла директория департамента к стыду и позору всей Франции». Кроме всего этого против клуба кордельеров, опирающегося на право собраний всех граждан, были направлены и прямые преследования. Муниципалитет, после тщетных попыток вызвать в собрании беспорядок при помощи подкупленной национальной гвардии, наложил печати на залу заседаний, как входящую в состав национальных имуществ. Тогда члены клуба... собрались в зале для игры в мяч г-на Бержерона на улице Мазарини... и дали торжественную клятву не расходиться...

Неужели муниципалитет так несведущ в политике и не знает, что преследования только создают новых приверженцев?» — так заканчивает Фрерон красноречивую картину гонений, направленных против «Общества друзей прав человека и гражданина». Кордельеры действительно не унывают. Вместе с секцией Французского театра они выделяют комиссаров для защиты арестованных и в свою очередь возбуждают обвинение против муниципалитета за произведенные им незаконные аресты. В дополнение к афише 17 апреля, они выносят новое постановление против Байи и Лайфайета, защищающее свободу слова и резко противопоставляющее «неимущие классы населения» (*la classe indigente du peuple*) тем «богачам» (*gens opulents*), которые хотели бы всегда держать народ в неведении его прав, а, следовательно, в рабстве.¹⁰

«Не удивляйтесь, граждане, если против клуба кордельеров будут возобновлены все те преследования, которые были направлены против дистрикта того же наименования, бывшего ужасом и бичом злодеев, — гласит обращение клуба. — Теперь они: хотели бы уничтожить клуб уже по одному тому, что они боятся его бдительности и мужества... Но угрозы не ослабят ни его храбрости, ни энергии в деле защиты законов и тех несчастных жертв, которые приходят проливать слезы, вызванные новыми угнетателями новорожденной нации». В том же очень резком тоне, целиком направленном против Байи, Лафайета и придворных кругов, составляется и журнал клуба, редактируемый Моморо и Сантьезом.

Мы видим таким образом, что ни одно из политических событий того времени не остается без соответствующего отклика со стороны кордельеров. «Общество друзей прав человека» является не только рупором и эхом оппозиционно настроенных масс, но и само ведет активную, революционизирующую работу. Эта практическая и революционная деятельность клуба не могла не привлекать Шометта, мало склонного ко всяким теоретизированиям и умствованиям, не связанным с практической работой. Демократический характер клуба (в его аудиторию, а нередко и в состав его членов принимались даже в 1791 г. не только активные, но и пассивные (!) граждане,¹¹ а членский взнос равнялся всего 2 су в месяц) конечно тоже гораздо больше подходил к Шометту, существование которого стало мало-мальски обеспеченным лишь со времени его приглашения Прюдомом в качестве одного из редакторов «Парижских революций». Наконец, в состав клуба входил ряд уже выдвинувшихся революционеров того времени, из которых многие были товарищами Шометта по секции, членами клуба состояли Дантон, Камилл Демулен, Лежандр, будущие жирондисты Гаран-Кулон и Буше Сен-Совер; большинство же членов клуба принадлежало к гораздо более энергично настроенным группировкам. Так, в состав клуба входили: Никола Бонвиль, работавший в *Cercle social* журналист Робер — один из первых республиканцев того времени; Моморо — «первый печатник свободы» и будущий председатель Парижского департамента; Венсан — будущий эберист и секретарь военного министерства в 1793—1794 гг.; Фурнье-Американец — один из активных участников революции-10 августа и попытки восстания 10 марта, организованной вместе с вождем «бешеных» Жаном Варле; Сержан — будущий член Коммуны 10 августа, игравший видную роль в сентябрьские дни, Эбер — знаменитый редактор «Отца Дюшена», Россиньоль, Руссильон, Дюфурни (*de Villers*) и многие другие. Недаром уже в половине 1791 г. деятельность клуба принимает резко выраженный революционный характер, и он становится центром республиканской пропаганды. Та республиканская группа, которая зимой 1790/91 г. еще могла, по выражению Олара, поместиться на диване госпожи Кералио-Робер, нашла в клубе кордельеров могучий оплот для своей работы.

Несомненно, клуб Кордельеров и секция Французского театра были хорошей политической школой для будущего генерального прокурора Парижской коммуны, которой он и не замедлил воспользоваться. Молодой Шометт сумел быстро освоиться и ориентироваться в гуще революционных событий и настроений того времени. Он занял определенную, резко враждебную позицию по отношению к придворной клике, к тогдашнему парижскому муниципалитету и к правым группировкам Учредительного собрания. «Все мои статьи и заметки в газете «Revolutions de Paris», — пишет Шометт уже в декабре 1790 г., — это удары, направленные против королевской власти; мои речи с трибуны Клуба кордельеров и в секции Французского театра имеют ту же цель». К сожалению, сотрудники «Парижских революций» не имели обыкновения подписывать свои фамилии под различными статьями, помещаемыми в газете. Большинство статей носило характер теперешних «передовиц», и поэтому решать вопрос об авторе той или иной из них приходится очень осторожно. Но если даже оставить в стороне вопрос об отдельных статьях, то общая политическая физиономия всей газеты в 1790—1791 г. рисует с достаточной определенностью тогдашние политические воззрения ее редакторов, и в частности Шометта.¹² Самый девиз газеты «Les grands ne nous paraissent grands que parce que nous sommes à genoux... Levons vous!» («Великие мира нам кажутся великими только потому, что мы стоим на коленях... Поднимем же!») — ясно указывает на ее демократический и революционный характер. Политическая платформа газеты в этот период в значительной степени совпадает с общей линией, которую занимают такие резко оппозиционные газеты, как «Ami du peuple» Марата или Фрероновский «Orateur du peuple». Уже в ноябре 1790 г., вскоре после того как Шометт, в качестве делегата от кордельеров, выступает в клубе якобинцев с речью, направленной «против отсрочивающего veto, против права короля назначать на должность» и которую якобинский клуб находит «слишком республиканской»,¹³ мы встречаем в «Парижских революциях» крайне резкую статью по тому же вопросу. «Право короля налагать veto противоречит принципу равенства, провозглашенному в Декларации прав, и нарушает народный суверенитет». «Народ или нация — вот единственный верховный законодатель», — говорит автор статьи, защищая идею непосредственной народной санкции всех законов. А в № 74 (4—11 декабря 1790 г.) еще наряду с похвалой Людовику XVI, «который мог бы помирить с королевской властью самого Брута», уже встречаем новый проект организации «сотни тираноубийц», хотя и направленной против иностранных деспотов, являющихся врагами французской революции. «Только среди народа, среди наибольших республиканцев из народа можно на вербовать священный батальон тираноубийц», — прибавляет газета в январе 1791 г. в длинной статье, посвященной разбору слова «народ». Здесь же газета объясняет, правда в крайне умеренном толковании, смысл еще не вошедшего тогда в употребление слова «республиканец». «Истинный друг общественного дела, — вот первоначальное значение слова «республиканец».

Наконец в конце марта 1791 г., т.е. еще почти за 3 месяца до бегства короля в Варенн, газета помещает предлагаемый «одним подписчиком» «Декрет об уничтожении королевской власти». Вот текст этого проекта, не оставляющий сомнений в республиканизме как его автора, так и поместившей его газеты.

«Принимая во внимание, — говорит проект, — как абсурдно и возмутительно признавать верховным владыкой человека, который не имеет на это место никаких других прав, кроме того, что он дал себе труд родиться; принимая во внимание те неисчислимые бедствия, которые являются следствием королевской власти даже при хорошем ее роле».

Национальное собрание постановляет:

1. Нация признает верховным главой государства только председателя (president) своего собрания представителей...

2. В председатели нельзя быть избранным ранее пятидесятилетнего возраста, дольше чем на один месяц и больше одного раза в жизни.

3. Можно будет говорить о его величестве — французском народе, но никогда этот титул не будет прилагаться к председателю (president). <...>

19. Нация уничтожает, вычеркивает и аннулирует титулы «король», «королева», «принцы королевской крови»...

20. Трон, скипетр, диадема, корона, королевская мантия и перевязь — все эти погребушки пустого тщеславия должны быть переданы в национальный склад, чтобы свидетельствовать нашим потомкам о том, что их предки слишком долго оставались в детском возрасте.

21. По примеру еврейской пасхи в память этого события должен быть установлен праздник, который будет праздноваться 1 июня — в день изгнания Тарквиниев из Рима; он будет посвящен низвержению — королевской власти, величайшего из бичей, жертвою которых было человечество».

Наряду с таким определенным проектом, являющимся одним из немногих ярких выражений раннего республиканизма, газета уже в апреле 1791 г., как бы предвосхищая дебаты, поднявшиеся из-за вареннского бегства, резко нападает на доктрину о неприкосновенности короля. «При неприкосновенности короля нет ни свободы, ни конституции», говорится в № 92. «Только бог неприкосновенен, да и то быть может потому, что он ускользает от нашего понимания и держится в стороне от известного нам мира», - иронизирует автор статьи.

Не оставались без протеста со стороны «Парижских революций» и, в частности, Шометта и отдельные выпады Учредительного собрания и муниципалитета, «нарушающие основные права граждан». Газета энергично отстаивает право пассивных граждан вступать в национальную гвардию, право всех граждан носить оружие¹⁴ и горячо протестует против стеснения права петиций.¹⁵ «Каждый из законопроектов, представленных конституционным комитетом, носит на себе печать искусно задуманной тирании», - утверждает газета в апреле 1791 г.,¹⁶ резко критикуя тот проект конституции, который восторженно приветствовался большинством тогдашней прессы. «Национальная гвардия становится, кастой, облеченной временной знатностью, вместо наследственной знати, уничтоженной конституцией».¹⁷

«В каком же преступлении виновны эти граждане, которых вы лишаете права носить оружие и тем самым права сопротивляться угнетению?.. Будут они рабами или свободными? Какими глазами будут они смотреть на конституцию, которая карает их за то, что они завоевали свободу Ибо не надо скрывать от себя, именно пролетарии¹⁸ разрушили Бастилию и низвергли деспотизм, в то время как состоятельная буржуазия... в глубине своих жилищ ждала, на чьей стороне останется победа». «Как после Декларации прав, которая предлагает оказывать сопротивление угнетению, наши изменники-магистраты запретят мне носить оружие даже для своей личной защиты?» — возмущенно спрашивает автор статьи «Преступление парижского муниципалитета против закона и общественной свободы». И как раз в это время Шометт записывает в своем отрывочном дневнике: «Беспощадная война против Лафайета, Байи и других клик, раздирающих отчизну».

Сильное негодование вызывает у «Парижских революций» и декрет 10 мая 1791 г., суживающий право петиций и предписывающий Коммуне и секциям ограничиваться обсуждением чисто муниципальных вопросов. В Учредительном собрании против этого Декрета, бьющего как раз по «societies populaires», горячо возражали Робеспьер и Бюзю; не менее резкие статьи мы находим в газетах Марата, Фрерона и в «Парижских революциях».

По всей вероятности именно к маю 1791 г. относится и речь Шометта, произнесенная им в клубе кордельеров или в секции Французского театра, которая в постановлении от 18 мая тоже протестует против запрещения коллективных петиций. Шометт горячо восстает против декрета 10 мая. «Итак, — говорит он, — граждане лишаются права следить за действиями правительства». «Нет больше свободы мнений, все постановления Коммуны превращаются в достояние муниципалитета; они будут касаться только тех вопросов, которые понравятся муниципалитету, — под угрозой объявления их не имеющими силы и противоречащими конституции».

Думается, что эти выдержки достаточно характеризуют революционно-республиканское настроение и газеты и ее основных сотрудников в этот первый период революции. Недаром Марат именно в это время сочувственно отзывается о «редакторах-патриотах» «Парижских революций», которые «почти целиком примкнули к его принципам». Вместе, с тем чрезвычайно важно отметить, что «Парижские революции» являются одной из очень немногих газет того времени, которая о характерном для всей деятельности Шометта вниманием относится к социальным вопросам и часто останавливается на «классовом делении общества» и на «классовых противоречиях», как сказали бы мы теперь.

«Революцию совершили бедняки», с горечью констатирует автор статьи «О богатых и бедных» в январе 1791 г.; но они не получили от нее никакой выгоды; ибо и после 14 июля они остались (приблизительно тем же, чем были до 14 июля 1789 г. Истинный друг людей воспользуется этой революцией для того, чтобы малопомалу разрушить ту железную стену, которая отделяет богатого от бедного... Богачи! Согласитесь добровольно на аграрный закон (loi agraire) (!). Пусть новый передел на мелкие равные участки осуществит наконец ту торжественную конституцию, которая провозглашает всех людей равными!»

Если мы вспомним тот страх перед loi agraire, который питал не только Робеспьер, но и большинство тогдашних революционеров (недаром Конвент весной 1793 г. декретировал смертную казнь всякому, кто предложит loi agraire), то нам сразу станет ясно, что высказанная; в газете Прюдома мысль о «фактическом» равенстве в дополнение к равенству политическому сразу ставила «Парижские революции» на крайний левый фланг тогдашней прессы. И хотя упоминание о loi agraire носит мимолетный характер и та же статья определенно указывает, что «священные законы собственности должны гарантировать богачам в настоящее время (!) наслаждение их состоянием, несмотря на устарелость их нрав», однако общий тон статьи остается чрезвычайно любопытным.

Тогда же «Парижские революции» пытаются разобраться в различных социальных группировках того времени. В длинной статье «О буржуазии Парижа и других городов» отчетливо устанавливаются три ее слоя: буржуазия крупная, средняя и мелкая. Симпатии автора целиком на стороне последней. «Мелкая буржуазия, — говорит он, — занимает промежуточное место между двумя первыми и народом. Революция очень многим обязана мелкой буржуазии, — она проявляла себя повсюду... она всегда становилась на сторону народа, который не всегда был к ней справедлив». Автор довольно удачно определяет состав тогдашней мелкой буржуазии Парижа и уже отделяет ее как от крупных буржуа, так и от неимущих слоев населения, выдавая вместе с тем свою классовую принадлежность и свои классовые симпатии. Те же мелкобуржуазные, промежуточные настроения сквозят и в другой статье «Парижских революций», посвященной вопросу о праве рабочих на коалиции. Статья эта написана по поводу движения парижских плотников, требовавших, чтобы Парижский муниципалитет установил определенные ставки заработной платы. С одной стороны, согласно общим либерально-индивидуалистическим воззрениям той эпохи, автор статьи возражает против права коалиций. «Собрание, куда допускаются только люди, занятые одной и той же профессией, подрывает новый строй: оно наносит ущерб свободе; изолируя граждан, оно отделяет их от родины, заставляя заниматься только собой и забывать об общем деле; одним словом оно клонится к тому, чтобы увековечить тот эгоизм, тот корпоративный дух, который теперь хотят уничтожить вплоть до самого названия, ибо он является смертельным врагом всякого «*esprit public*». Статья возражает и против фиксации рабочим одинаковой заработной платы. Во-первых, рабочие могут быть разной квалификации, а во-вторых, и главное, «ни мэ́р, ни кто-либо другой не имеет права фиксировать жалованья рабочих против воли тех, кто их оплачивает... Между тем, кто работает, и тем, кто дает работу, всякое вмешательство третьего лица было бы абсурдным актом тирании», заявляет газета. Как видим, здесь еще очень далеко до 1793—1794 г. с их принудительной фиксацией заработной платы и с твердыми ценами на продукты. Наоборот, газета открыто защищает теорию экономического либерализма. «Мания регламентировать — это чума для торговли; *laissez faire et laissez passer* — эти четыре слова заключают в себе всю теорию благоденствия».

Но, с другой стороны, необходимо заметить, что из всей парижской прессы только газеты Марата, Фрерона и Прюдома вообще уделили внимание движению среди парижских рабочих, что несомненно указывает на их близость к интересам малоимущих слоев. Остальные газеты и журналы того времени обходят этот вопрос полным молчанием, тогда как «Парижские революции» выражают сочувственное отношение к рабочим и определенно советуют хозяевам отказаться от старых привычек. «Слишком долго они мучили рабочих и жирели их потом», говорит автор статьи.

Отдельные республиканские выступления, критика конституции 1791 г. с точки зрения Декларации прав и осуществления идеи «фактического» равенства, резкий протест против деления граждан на активных и пассивных, защита общей теории народного суверенитета и отдельных гражданских прав, в частности права петиций, взгляд на национальную гвардию лишь как на собрание вооруженных граждан, интерес к социальным вопросам и сочувственное внимание к нуждам неимущих слоев населения, которые в сущности и совершили революцию, — таково было общее направление газеты зимой 1790—91 г. еще до бегства короля в Варенн. Те же взгляды, как мы видели, проводились тогда, и Шометтом во всех дошедших до нас выступлениях, относящихся к этому периоду.

БЕГСТВО КОРОЛЯ В ВАРЕНН И СОБЫТИЯ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Бегство короля в Варенн, как известно, сыграло чрезвычайно важную роль в истории французской революции вообще и в развитии республиканского движения в частности. Думается, что уже на основании предыдущего можно предвидеть, какую резко республиканскую позицию займут и Шометт, и «Парижские революции», и клуб кордельеров вместе с секцией Французского театра после событий 21 июня 1791 г. Недаром уже по поводу неудавшейся поездки Людовика XVI в Сен-Клу, бывшей своего рода прелюдией к вареннскому бегству, газета писала: «Король предполагает, а народ располагает», и с восторгом приводила известную резолюцию секции Французского театра от 19 апреля, принятую в ответ на вопрос муниципалитета о том, «нужно ли при теперешних обстоятельствах просить короля выполнить свой первоначальный проект, заключающийся в поездке в Сен-Клу, или благодарить его за то, что он предпочел остаться, чтобы не смутить общественное спокойствие».¹⁹

Бегство Людовика XVI, несмотря на постоянные предупреждения Марата и Фрерона об его подготовке, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Хотя монархически настроенное Учредительное собрание в своем воззвании туманно говорило о «похищении» короля, однако истинное положение дел ни для кого не оставалось тайной. «Бегство короля» — вот заголовок негодующей статьи, помещенной в «Парижских революциях» 18—25 июня 1791 г. «Пусть он уезжает, лишь бы не показывался больше», — говорит автор статьи о Людовике XVI. «Это не

простой и честный уход в отставку; это преступление, это оскорбление нации, это бунт против народа». Газета открыто требует суда над «бывшим королем» (*notre ci-devant roi*), ибо «он перестал быть королем, когда он составил свою прокламацию, когда он бежал». А в следующем номере «Парижские революции» уже не стесняясь называют Людовика предателем, свиньёй и тираном.

Сперва двусмысленное, а потом откровенно монархическое поведение Конституанты вызывает в газете беспокойство и негодование. Статья, помещенная непосредственно перед событиями на Марсовом поле,²⁰ граничит с призывом к открытому восстанию:

«Граждане всех городов, всех концов республики, — проснитесь!.. Время еще не потеряно; вы проявили столько энергии при известии о бегстве (короля); теперь ее необходимо проявить более чем когда-либо».

Патриотизм состоит уже не только в том, чтобы принести присягу поддерживать бессмертные декреты наших августейших законодателей», с иронией по адресу Учредительного собрания говорит автор. «Нам нужны не декреты, а свобода. Организуйтесь в первичные собрания, прикажите собраться выборщикам,²¹ заставьте их приступить к выборам новых представителей; немедленно посылайте их на свой пост; прикажите теперешним представителям удалиться; направьте к ним особый запрет выносить какие-либо постановления о бегстве 21 июня; **снабдите ваших депутатов специальными полномочиями для суда над королем** — (Н. Ф.) — и тогда вы добьетесь справедливости. Есть слишком много оснований опасаться, что теперешний сенат увековечит свое господство; и если он будет упорствовать, то ведь есть случаи, когда восстание является священнейшей из обязанностей».

Такую же резко республиканскую позицию занял и клуб кордельеров. Если еще в феврале 1791 г. один из его членов Никола Бонвиль говорил в *Cercle social* о том, что «*Les tyrans sont murs*», то теперь «Общество друзей прав человека и гражданина» развертывает широкую агитацию в пользу республики. В самый день бегства Людовика XVI, т.е. 21 июня 1791 г., клуб кордельеров уже расклеил по улицам Парижа свою знаменитую афишу о тираноубийцах. Начинается она несколько измененной строфой из вольтеровского «Брута»:

Подумайте о Марсовом поле, об этом величественном алтаре,
Где Людовик поклялся нам быть верным и справедливым.
Это служило узами между ним и народом;
Теперь он вернул нам нашу клятву, ибо он нарушил свою.
Если среди французов найдется предатель,
Который пожалеет о королях и захочет властелина, -
То пусть этот изменник умрет в мучениях,
И пусть прах преступника, развеянный по ветру,
Оставит после себя еще более ненавистное имя,
Чем имя тиранов, вызывающее отвращение в свободном человеке.

«Свободные французы, составляющие «Общество друзей прав человека и гражданина», клуб кордельеров, — гласит далее воззвание, — заявляют всём гражданам, что в нем столько же тираноубийц, сколько членов, и что каждый из них поклялся умертвить тех тиранов, которые осмелятся напасть на наши границы или каким бы то ни было образом посягнуть на нашу свободу или конституцию».

Деятельность клуба не ограничивается этим возванием. На другой день, 22 июня, кордельеры направляют в Учредительное собрание составленную Робером петицию, в которой открыто требуют установления республики.

«Мы были рабами в 1789 г., мы вообразили себя свободными в 1790 г., мы действительно свободны — в конце июня 1791 г., — гласит текст петиции... «И так, мы находимся в том же состоянии, в каком были после взятия Бастилии: свободны и без короля. Остается узнать, выгодно ли нам назначить другого короля... Общество друзей прав человека... не может скрыть от себя, что королевская власть, особенно наследственная, несовместима со свободой... Мы заклинаем вас от имени отечества или немедленно провозгласить, что Франция уже не монархия, а республика, или по крайней мере подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по

первой (от 9 июля), составленный Шометтом и написанный его рукой, носит заглавие «К нации» и совершенно аналогичен статье, помещенной в № 105 «Парижских революций»²² (см. выше). Здесь тоже, хотя и в более осторожной форме не непосредственного призыва, а только совета, рекомендуется скорейший созыв выборщиков и просьба в Учредительное собрание не вырешать ничего о судьбе Людовика Капета, не выяснив мнение 83 департаментов.

Именно с этим, шометтовским «Призывом к нации» в виде знамени, на котором была прикреплена шапка свободы, а на древке вырезаны слова: «Свобода или смерть», кордельеры и вышли 16 июня на Марсово поле, где предполагалось собирать подписи еще под первым проектом петиции, составление которого было поручено Бриссо.

От этого республиканского движения не отстает и секция Французского театра. Еще 16 и 19 июня она протестовала против деления граждан на пассивных и активных и говорила, что «приказать гражданам повиноваться законам, не ими составленным и не санкционированным ими, значит осудить на рабство тех самых людей, которые низвергли деспотизм». 21 июня секция уже запрещает офицерам своего батальона (Saint-Andre des Arts) получать приказы от кого-либо кроме нее. Она же объявляет, что принимает в свою среду всякого гражданина, достигшего двадцатипятилетнего возраста и имеющего определенное местожительство, и выбрасывает из присяги слова «активный» и «король». А едва только весть о задержании короля успела разнестись по Парижу, как депутация именно от секции Французского театра явилась в департамент и представила большое количество «elevés en chirurgie», записанных в национальную гвардию, которые предлагали немедленно отправиться в Варенн и помешать врагам общего блага похитить короля. Наконец, 7 июля секция заслушивает депутацию от группы рабочих, которая заявляет: «Граждане, мы клянемся богу и людям быть верными нации и закону, — и долгой короля».

Такова была общая линия поведения тех трех организаций, в которых протекала работа Шометта. Ясно, что и его деятельность в этот период (апрель—июль 1791 г.) становится очень напряженной и носит резко выраженный республиканский характер. Выше уже приведены его «Призыв к нации», составленная им петиция 9 июля и статья в № 105 «Парижских революций». Вот что мы читаем в дополнение к этому в его записках за эти же дни: «18 апреля 1791 г. Отъезд Людовика XVI в Сен-Клу. В то время как клуб кордельеров опубликовал по всем улицам Парижа резкое постановление по этому вопросу, я произношу речь перед частью национальной гвардии, чтобы убедить ее воспрепятствовать отъезду короля; двор остановлен. Вечером того же дня на меня напал адъютант Лафайета за мои слова о том... «что не пройдет и двух лет, как Франция станет республикой».

21 июня 1791 г. Эмиграция Людовика XVI и его семьи. Я заставляю клуб кордельеров выбросить клятву верности (королю) из государственной присяги, я составляю постановление; меня выбирают, чтобы отнести его якобинцам и во все народные общества; оно расклеивается; с этой минуты я нахожусь под угрозой кинжала».²³

А уже 23 июня с трибуны одного из народных обществ²⁴ Шометт произносит горячую речь «о бегстве короля, о том, нужно ли приостановить королевскую власть и может ли французская конституция обойтись без короля». Иди, а герой и хмель в раке и эта речь и его написанные нам статьи прюдомовской газеты. Вместе с тем эта речь является характерным выражением раннего французского республиканства, как он сложился непосредственно после бегства короля в Варенн, когда ему предстояло, по выражению Шометта, «бороться с предрассудками детства и привычек» и когда сами республиканцы были все же очень осторожны, несмотря на отдельные горячие лозунги и статьи. Поэтому интересно более подробно остановиться на этом выступлении Шометта, а чтобы не утратить перспективы следует вспомнить, что эта речь была произнесена в тот период, когда Робеспьер по вопросу о форме государственного строя уклончиво говорил: «Я не хочу отвечать на упреки в республиканизме»... «Я объявляю, что ненавижу всякое правительство, где господствуют мятежники», и когда клуб якобинцев в заседании 21 июня, в самый день бегства Людовика XVI, становится на защиту существующего порядка и принимает следующий адрес, отредактированный монархистом Барнавом: «Король, введенный в заблуждение преступными внушениями, отдалился от Национального собрания. Будем спокойны... Национальное собрание— вот наш руководитель; конституция — вот наш лозунг».

представители сконструировались в Национальное собрание — приостановить функционирование королевской власти до окончательной выработки конституции», Шометт без всяких обиняков ставит перед собравшимися следующие три тесно связанные между собой вопроса:

1. «Можно ли и должно ли приостановить функционирование королевской власти, когда нация собрана вместе? Можно ли и должно ли приостановить ее в обстоятельствах, которые вызваны бегством короля?»

2. Виновен ли король и что с ним делать?»

3. Может ли французская конституция обойтись без короля?»

Как видим, вопрос поставлен совершенно ясно. Речь идет именно об уничтожении королевской власти и установлении республики. Но аргументирует Шометт в защиту республиканского строя чрезвычайно осторожно. Прежде всего, он старается как бы заранее смягчить недовольство чересчур ревностных поклонников монархической конституции 1791 г. и как бы извиняется перед ними в том, что защищает республиканские взгляды. К вопросу о форме правления он подходит лишь в самом конце речи и далеко не часто употребляет термин «республика».

«Если я шокирую привычные взгляды некоторых чересчур боязливых людей или лиц, ставших рабами предрассудков, — говорит Шометт, — если я окажусь в противоречии с мнением тех, кто является легкомысленным энтузиастом нашей конституции, то это произойдет только оттого, что истина для меня дороже, чем все второстепенные соображения».

«Когда наши представителе сконструировались в Национальное собрание, они могли, они должны были приостановить королевскую власть; они могут и должны это сделать и при теперешних обстоятельствах», — вот первый тезис Шометта. Доводы для этого положения Шометт черпает и у Руссо, «отца нашей революции», и у женева профессора «ученого Бурламаки» и, главное, в Декларации прав. Он видимо старается возможно тщательнее построить свою аргументацию и подкрепить ее авторитетными в глазах своих слушателей именами. «Цель всякого политического сообщества, — говорит Шометт, — согласно 3-му пункту Декларации прав — это сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Все народы почувствовали, что для достижения этой цели необходимо установить правительство; они все согласились с тем, что нужна суверенная власть, которой все должно быть подчинено в последнем счете. «Суверенитет, — говорит Руссо, — являясь только осуществлением общей воли, всегда пребывает в нации и никогда не может быть отчуждаем». Если этот принцип справедлив, — продолжает Шометт, — а никто из французов теперь не сомневается в том, что нация суверенна, то я утверждаю, что он не может существовать наряду с королевской властью... В государстве не может быть двух суверенов; это является морально недопустимым и явно клонилось бы к гибели и разрушению общества. ...И если тот народ, который раньше столь презирали, оказался таким великим и сильным..., то нужно, чтоб и наши представители обладали достаточной твердостью для того, чтобы вынести решение о приостановлении королевской власти... Долой все колебания! Необходимо выявить общественное мнение; нужно, чтобы народные общества (!), являющиеся эхом народа, заявили во всеуслышание то, что все граждане хранят в своем сердце и не умеют высказать громко: — нужно окружить Национальное собрание обществе иным мнением. И это общественное мнение на мой взгляд является совершенно определенным; оно гласит, что король должен быть отрешен от выполнения функций королевской власти («que le roi doit etre suspendu de l'exercice de la royaute»). Так защищает демократ-республиканец Шометт свою основную и любимую теорию, народного суверенитета, несовместимого с королевской властью; так пытается он предначертать всю будущую линию поведения Парижской коммуны и секций, которые во все острые моменты революционных кризисов старались «окружить» Национальное собрание и Конвент «общественным мнением» и тем самым оказать на него соответствующее давление.

Далее Шометт переходит ко второму вопросу: виновен ли король и что с ним надо делать. И здесь он очень искусно старается повлиять на чувства слушавшей его аудитории и бьет по тем струнам, которые должны были неминуемо зазвучать в сердцах членов *Societe populaire* и вызвать воспоминания о недавно пережитых событиях. «Выслушайте меня, мои друзья, и углубитесь в самих себя, — говорит он, — пусть каждый заглянет к себе в сердце: если один человек схвачен в комнате другого с кинжалом в руке, когда он уже нанес ему ряд ударов, и если раненый остановил

Шометт требует немедленной организации суда над Людовиком. «Вся нация ощутила смертельные удары, нанесенные ей королем; поэтому вся нация имеет право объявить его виновным, и только наши представители имеют право судить его; а если они не чувствуют себя достаточно сильными, пусть они соберут новое законодательное собрание (la nouvelle legislation) и пусть первые же минуты его работы будут употреблены на суд над королем и королевой!».

«Может ли французская конституция обойтись без короля», — спрашивает наконец Шометт, переходя к самому важному и вместе с тем рискованному в те времена вопросу о форме государственного строя. И здесь первый его аргумент, весьма убедительный для его слушателей, бьет по карману и тощему кошельку членов *societe populaire*. «Граждане, — говорит он, — зачем нам сохранять навсегда эту политическую язву, которая пожирает у нас 35 млн., т.е. средства существования, вполне достаточные для 35 тыс. семейств?²⁵ Зачем, говорю я, сохранять королевскую власть, если и без нее у нас хорошая конституция? Средоточие власти в собрании представителей нации... Коллегия министров, хорошо намеченных, ответственных перед нацией и выбранных ею — вот исполнительная власть. Закон — вот наш суверен после бога. И этого закона вполне достаточно для того, чтобы обеспечить руководство даже при самых трудных обстоятельствах. ...В заключение, мои друзья, если нас страшит мысль о республике, — говорит оратор, — то я заявляю, что не понимаю, что такое республика, если нас хотят, уверить в том, что наша конституция является картиной республики. Что значит слово «республика», которым так злоупотребляют Республика, — и это надо сказать толпе легкомысленных критиков, — это общественное дело (*choses publiques*), это то, что нас всех интересует. Твердят, что республика не годится для большого государства, но это повторяли без всякого смысла, ибо Римская республика была гораздо более обширной, чем французская держава. К тому же я не понимаю, что может сделать один король для руководства таким большим государством, как Франция... Это значит явно нарушать требования здравого смысла», — говорит Шометт, отвергая известное рассуждение Монтескье, на авторитет которого ссылались порой защитники конституционной монархии.

Созыв нового Национального собрания (*nouvelle legislation*) для немедленного суда над королем, отмена королевской власти и установление республики — вся эта программа, намеченная в речи Шометта, смогла осуществиться лишь полтора года спустя, после революции 10 августа, деятельным участником которой был сам Шометт. Реакция, наступившая после избиения на Марсовом поле, была серьезным ударом по республиканской партии. Но надо отметить, что республиканская «программа-минимум» была готова уже летом 1791 г. и что Шометт уже тогда вместе с Бонвилем, Робером и Фрероном был одним из первых ее защитников и пропагандистов, в то время как, например, будущий член Комитета общественной безопасности Вадье заявлял в Учредительном собрании о своем «отвращении к республиканскому строю», гибельному и несовместимому с нашим политическим положением, а Робеспьер защищал очень странную тезу о том, что «республика и монархия не суть несовместимые между собой вещи», и говорил, что не боится «не только королевской власти, но и наследственности королевских функций в одной и той же семье».²⁶

К этому же времени относятся и другая речь Шометта, не менее ярко характеризующая его тогдашние взгляды, на этот раз по вопросу о внешней политике, которой должна придерживаться революционная Франция. Это его «Манифест французского народа ко всем народам земного шара», где провозглашается отказ от захватнической политики в противовес «теории естественных границ» и оборонительная война для защиты свободы и революции. И в этой войне оружие революционной пропаганды найдет себе, по мнению Шометта, широкое применение.

«Пусть же они трепещут, эти надменные деспоты, которые смотрят на народ как на стадо глупцов, которым они могут распоряжаться по своему усмотрению!» восклицает Шометт. «Почему бы народам не последовать нашему примеру, ибо все они рождены для свободы Мы им скажем: что нам стоит быть свободными — ничего. Вам стоит только захотеть, и вы уже свободны. Французы понесут повсюду факел истины и разума, знамя мира, единения и свободы... и наконец бессмертную Декларацию прав. И тогда народы разобьют на тысячи кусков те цепи, которые их еще приковывают к колеснице тиранов, и объединятся с французами, чтобы слиться в единую братскую семью народов».²⁷

Кроме негодования, вызванного бегством короля, на почве которого и велась агитация клубов, росту недовольства среди парижского населения способствовало еще одно чрезвычайно важное обстоятельство.

Как «известно, весна 1791 г. отмечена серьезным развитием рабочего движения.²⁸ Рабочие-плотники, кузнецы организуют настоящие забастовки; рабочие-шляпники тоже настаивают на повышении заработной платы. Ряд рабочих организаций собирается в помещении епископства для выработки общих требований. Ответом является со стороны муниципалитета — закрытие залы епископства, а со стороны Конституанты — знаменитый закон Ле-Шапелье (14 июня 1791 г.), запрещающий какие бы то ни было союзы и собрания, лиц одной и той же профессии. В добавление к нему Учредительное собрание издает 16 июня декрет о немедленном закрытии так называемых «благотворительных мастерских», содержащихся муниципалитетом уже более двух лет (с мая 1789 г.) и дававших работу около 20 тыс. безработных. Конечно, эта мера не могла пройти без резкого протеста со стороны занятых там рабочих. «Простой проект о роспуске мастерских уже вызывает ропот, веет духом восстания», сообщает 16 июня парижский мэр начальнику национальной гвардии Лафайету, прося его собрать у мастерских «отряды, могущие сдержать рабочих» и принять все меры для поддержания спокойствия в закрываемых мастерских.

25 и 30 июня рабочие подают в Учредительное собрание петиции, умоляющие отложить исполнение декрета о роспуске мастерских; их поддерживают и секция Французского театра, и клуб кордельеров, и Cercle social вместе с рядом других *societes fraternelles*.²⁹ Cercle social даже организует особое «Societe du point central des arts et metiers», где вырабатывается целый план общественных работ для предоставления их безработным. Этот план пересылается в муниципалитет, а 3 июля к председателю Учредительного собрания Шарлю Ламету направляется письмо с настоятельной просьбой отложить закрытие мастерских на 2—3 недели, пока не будут открыты новые общественные работы.³⁰ «Толпы этих несчастных рабочих собираются то на Вандомской, то на Гревской площади», - сообщают «Revolutions de Paris» в статье «Сборища рабочих благотворительных мастерских». - Они решаются даже на поступки, вызывающие тревогу других граждан; так, они уже завладели артиллерией поста Сент-Антуан и Национальной гвардии. Лишь с большим трудом удалось снова вернуть ее. 20 человек из собравшихся были отведены в Аббатство и в тюрьму Бисетр, что сильно увеличило недовольство толпы... Разве можно штыками утишить крики нужды?» — добавляет газета.

Тогда же в Учредительное собрание натравляется проредактированная К.Демуленом петиция «900 рабочих-каменщиков, занятых разрушением Бастилии», которым было тоже сообщено о предстоящем прекращении работ.

Однако желание Конституанты и муниципалитета во что бы то ни стало очистить Париж от «беспокойных элементов» было совершенно ясно и принято ими с достаточной твердостью. 30 июня утром в ответ на петиции рабочих Конституанта постановила, что не имеется достаточных мотивов для пересмотра изданного ею декрета, а мэр Парижа Байи уже 4 июля созывает экстренное собрание муниципалитета для вырешения вопроса о принятии срочных мер к недопущению беспорядков.³¹ Муниципалитет рассылает по секциям особое обращение, в котором указывает, что «роспуск благотворительных мастерских является новым предлогом (!) для злонамеренных, которые хотят вызвать в народе беспокойство и подействовать на его чувствительность», а мэр Парижа Байи отправляет 3 июля Лафайету новое письмо с требованием прислать «завтра в 8 час. утра вооруженную силу», чтобы сдержать «рабочих Марсова поля, позволяющих себе резкие выходки против своих надзирателей». «Мы думаем, что следует послать отряд пехоты и кавалерии», - добавляет Байи.

Эта масса безработных, выброшенная на улицу декретом о закрытии благотворительных мастерских и тщетно добивавшаяся предоставления ей какой-либо возможности существования, была хорошим материалом для революционной пропаганды и несомненно сыграла свою роль как в событиях на Марсовом поле, так и в предшествовавшем революционном движении:

Одно время даже клуб якобинцев кажется захлестнутым революционной волной. Это было 14—16 июля, накануне событий на Марсовом поле, когда «Друзья конституции» тоже было решили

стал известен декрет Конституанты » о невиновности Людовика XVI, в Palais Royal происходит созванное Бонвилем «бурное заседание» всех sociétés populaires, на котором, по отзыву «Bouche de fer», особенно отличались своими речами «председатель секции Французского театра (!) Sengent, литератор Duchosal, член Общества друзей прав человека Моморо и председатель Общества св.Женевьевы». На пути из Palais Royal толпа врывается в помещение клуба якобинцев, и здесь под ее давлением принимается предложение Лакло и Дантона о том, чтоб составить петицию и собирать под ней подписи членов народных обществ. «Пусть тот, кто не осмеливается поднять голову как свободный человек, не считает себя обязанным ставить свою подпись под нашей петицией», говорит Дантон. «Разве мы не нуждаемся в чистке Она и будет произведена этим путем». Робеспьер считает однако подачу петиции несвоевременной и предлагает лучше составить адрес к народным обществам. Наконец, под давлением ворвавшейся толпы принимается предложение о сборе подписей под петицией прямо на Марсовом поле. В число ее составителей намечается Бриссо, который и представляет на другой день проект петиции.

16 июля все отправляются на Марсово поле, но имеющиеся в проекте Бритое слова «о замещении Людовика XVI конституционным путем» (par tous les moyens constitutionnels), пред- решающие вопрос о сохранении монархического строя, вызывают недовольство республиканцев. Начинаются споры, и петиция остается неподписанной. Между тем издание декрета о невиновности Людовика XVI уже сыграло свою роль. Якобинцы, обеспокоенные отколом фельянов, отказываются поддерживать петицию как «незаконную и бесполезную». 17 июля они уже направляют к примыкающим народным обществам адрес, где заявляют, что «верные тому обязательству, которое накладывает на них принятое название «Друзей конституции», они вновь клянутся поддерживать ее всеми силами и подчиняться, как всегда, декретам, изданным Национальным собранием».

17 июля в 12 часов дня комиссар якобинцев Ла-Ривьер, посланный на Марсово поле «в целях информации», объявляет собравшемуся народу, что клуб якобинцев отказывается поддерживать петицию. Ходят слухи о предстоящих беспорядках. Многие видные революционеры, еще накануне присутствовавшие на Марсовом поле при обсуждении текста Бриссо (Дантон был даже одним из 4 комиссаров, оглашавших его с «алтаря отечества»), принимают меры предосторожности и в видах личной безопасности уезжают из Парижа. В клубе кордельеров идут споры. Еще на вечернем заседании 16 июля Шометт настаивает на том, чтобы петиционеры собирались невооруженными. Все это, конечно, не могло остановить движения. С утра на Марсово поле начинают стекаться толпы народа; руководство остается за кордельерами.

«Среди собравшихся было очень мало людей с определенными убеждениями, — пишут Бюше и Ру, — и почти все они были из секции Французского театра. Здесь же, на алтаре отечества составляется новая петиция, которая в ту же минуту начинает покрываться подписями. Бюше и Ру, видевшие подлинный текст петиции,³² утверждали, что под ней было свыше 6(0) подписей. На одном из первых мест стоит подпись Шометта, étudiant en médecine.³³ Здесь же стоят подписи Робера, Коффенгаля, Патри, Никола Бонвиля, Пейра, Одуэна, Эбера, Анрио, Майара и других кордельеров. Идется подпись Мэнэ, председателя Бельского общества, заседающего в помещении якобинцев. Но ни Дантон, ни кто-либо другой из видных якобинцев не подписался под петицией. Так была произведена та чистка, о которой 14 июля говорил сам Дантон, «чистка», резко отмежевавшая будущих членов левых группировок от основной массы якобинского клуба.

Общий текст петиции, составленный Робером, носит республиканский характер, хотя и гораздо менее ярко выраженный, чем в ряде других выступлений кордельеров. Очевидно, кордельеры стремились сделать эту петицию приемлемой для возможно более широких кругов демократии, а быть может издание декрета о невиновности короля заставило и их быть более осторожными.

Петиция просит Учредительное собрание пересмотреть изданный им декрет и приступить «к организации новой исполнительной власти», ввиду того что «преступление Людовика XVI доказано и что этот король уже отрекся от престола». Вопрос о форме государственного строя остается открытым, и даже самое слово «республика» в петиции не упоминается. Таким образом, в петиции 17 июля не было ничего противозаконного, что, однако, не помешало парижскому мэру Байи провозгласить военный закон, развернуть красное знамя и направить батальоны национальной гвардии на Марсово поле. Толпа встретила их камнями, раздались выстрелы, и алтарь отечества

освобождает от опасности... он старается облегчить бегство патриотов», - записывает Шометт 17 июля в своем дневнике.

После взятия Бастилии день 17 июля был новым политическим уроком для парижского населения, воочию показавшим ему истинную физиономию Конституанты и парижского муниципалитета.

Избиение на Марсовом поле, это «кровавое воскресенье» французской революции, провело глубокую грань между республиканцами-демократами и буржуазией; отныне их примирение и дальнейшая совместная борьба «единым фронтом» в рамках одного «третьего сословия» против дворянства и духовенства стали окончательно невозможными. «Третье сословие» все более и более расслаивается на различные классовые группировки.

¹ «Голос минувшего» № 11—12, 1917.

² Статья написана и набрана до появления книги Я.М.Михайлова (Захера) «Анаксагор Шометт, антирелигиозник XVIII в.» изд. «Безбожник», М. 1930 г.

³ (На основании материалов, имеющихся в СССР, удалось проработать лишь начальный период жизни и деятельности Шометта).

⁴ Адрес Шометта к своим согражданам, заседание Коммуны 20/V 1793 г. «Moniteur», v.XVI, p.458.

⁵ Эти сведения почерпнуты нами из разговора Шометта с Людовиком XVI в декабре 1792 г., когда прокурор Парижской коммуны сопровождал бывшего короля на заседание Конвента. В ответ на вопрос Людовика XVI: «Приходилось ли Вам ездить по морю» — Шометт прямо указывает, что он участвовал в войне вместе с Ламотт Пике, героем морских сражений против англичан во время «американской войны» («Rev. de Paris» № 179).

⁶ Батальон федератов, пришедших из Марселя в июне 1792 г., был размещен именно в этой секции.

⁷ Braesch доводит число активных граждан секции до 1200.

⁸ Не забудем, что в это время в состав Клуба якобинцев входили не только будущие жирондисты и монтаньяры, но и так называемые фельяны, отколовшиеся лишь накануне событий на Марсовом поле (17/VII 1791).

⁹ О л а р, Политическая история французской революции, с. 123.

¹⁰ Lacroix, Actes de la Commune, serie II, v.p. 493 и предыдущие; постановление относится к концу апреля 1791 г.

¹¹ Так, на заседании клуба от 29 июня 1791 г. один из членов жалуется на то, что его отказались зачислить в национальную гвардию под тем предлогом, что он не был активным гражданином. В батальон кордельеров зачислялись наперекор точному указанию закона и пассивные граждане. На том же заседании клуба говорится, что командир батальона кордельеров Wille записывал в него всех рабочих, требуя только того, чтобы у них были руки, обувь и шапка («en demandant seulement, s'ils avaient des bras, des souliers et une bonnet»). Протокол заседания помещен у Mathiez, Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes, p.59—60.

¹² После смерти Лустало редакторами «Парижских революций» были Сильвен Марешаль, Фабр д'Эглантин, Сантонакс и Шометт.

¹³ Олар («Политическая история») относит возникновение республиканской партии только к декабрю 1790 г.

¹⁴ Постановление парижского муниципалитета 17/III 1791.

¹⁵ Декрет Учредительного собрания 10 мая 1791.

¹⁶ «Парижские революции» № 94.

¹⁷ 28 апреля 1791 г. Учредительным собранием, несмотря на горячие возражения Бюзо и Робеспьера, был принят декрет, по которому пассивные граждане лишались доступа в национ. гвардию (Arch Parl. v.25, p.225 и след.).

¹⁸ Этот термин отнюдь не надо понимать в современном смысле фабрично-заводских рабочих. Но все же любопытно, что именно на страницах «Парижских революций» он встречается несколько раз в ту эпоху, когда он вовсе не вошел еще в обычное употребление.

¹⁹ № 93, 16—23 апреля 1791 г. Указанная резолюция секции Французского театра гласит: «Этот вопрос коварен и потому недопустим по отношению к одной или нескольким первичным секциям нации, как отдельным частям суверена; этот двойной вопрос, в сущности, является одним и тем же, так как и отрицательный и положительный ответ, данный на какой-либо из них, клонится лишь к укреплению решения о том, чтобы король уехал под охраной вооруженной силы. Собрание постановляет, что ни один административный орган не может и не должен ограничивать решения вопроса одним «да» или «нет», когда он предлагается первичным секциям, мнение которых по существу не может быть ограничено».

²⁰ № 105, 9—16 июля 1791 г. с.29. О том, что ее автором является Шометт, свидетельствует написанный им текст петиции 9-го июля, совпадающий по содержанию, а порой и текстуально с данной статьей, см. ниже.

²¹ Учредительное собрание, как известно, издало декрет об отсрочке собраний выборщиков, а тем самым и созыва Законодательного собрания.

²² В составленном Моморо протоколе заседания Клуба кордельеров (Mathiez, ук.соч. с.103) прямо говорится, что принимается редакция Шометта с добавлением Rene Girardin. Судя по тому, что текст петиции 9 июля является частью бумаги, озаглавленной «Копия доклада комиссаров» и написанной рукой Шометта, можно думать, что Шометт участвовал и в деputationи кордельеров, которая направилась 12 июля в Учредительное собрание для представления петиции.

²³ Braesch, Notes autobiographiques, p.132. Действительно, в заголовке протокола заседания кордельеров из обычного текста «la nation, la loi et le roi» слово «roi» уже выкинуто (см. Mathiez, ук.соч., с.63).

²⁴ Брэш предполагает, что это было Братское об-во обоих полов, заседавшее в помещении Якобинского клуба (Les papiers de Chaumette, p.103—123).

²⁵ Любопытно отметить, что 1 июля на улицах Парижа была расклеена афиша «Trente millions a gagner», посвященная тому же вопросу о «цивильном листе» и долженствовавшая служить проспектом журнала «Le Republicain ou le Defenseur du gouvernement representatif, par une societe des republicains». Этот журнал, издаваемый Кондорсе, Т.Пэном и дю Шастеле, появился 2—20 июля 1791 г. (Lacroix, op.cit., serie II, v.V, Introduction).

²⁶ «Адрес к согражданам», цит. по книге Н.М.Лукина «Максимилиан Робеспьер» [готовится для нашего сайта].

²⁷ Написанный Шометтом манифест был передан на обсуждение ряда народных обществ. Судя по подписям, к нему присоединились клуб кордельеров, клуб якобинцев и несколько других societies populaires.

²⁸ Lacroix, Actes de la Commune, II serie, v.III—IV, V—VI. Эта страница из истории Великой революции — прообраз роспуска национальных мастерских в июне 1848 г. — вообще мало освещена в работах историков.

²⁹ В «Bouche de fer» от 30 июня читаем, что братские общества одобрили текст петиции; «их комиссары, собравшиеся утром в Comite central, подписали каждый собственноручно эту петицию. Клуб кордельеров поручил своему председателю и секретарям подписаться от имени всего общества, предлагая также собирать и индивидуальные подписи. Секция Французского театра бурно аплодировала обоим текстам петиции, объединенным в одну, «которая и будет представлена Национальному собранию в четверг 30 июня» (Lacroix, ser.II, t.IV).

³⁰ В числе 32 подписей под этим письмом мы встречаем подписи члена Cercle «social Никола Бонвиля, кордельеров Мандара, Сержана, Раффрона и др.

³¹ Lacroix, op.cit., serie II, v.IV, p.243. «Г-н мэр сообщил, что тревога, вызванная непрерывными сборищами и требованиями со стороны рабочих распущенных мастерских, заставила его созвать экстренное заседание совета, чтобы принять меры, внушаемые осторожностью».

³² Он сгорел в 1871 г. во время пожара в архиве Парижской городской ратуши.

³³ По всей вероятности, Шометт был одним из лиц, собиравших подписи под петицией, так как текст ее принадлежит Роберу.